

Ч. Даннрейтер

**КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ
И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ БРИТАНСКОГО ГОСУДАРСТВА,
или как нация лавочников научилась жить без малого бизнеса***

Автор стремится объяснить исключение мелких фирм из британской экономики. Рассматривается то, как сочетание ключевых событий, новых идей и широко распространенные представления о некомпетентности бизнесменов привели в решениях по экономической политике к представлению общества почти исключительно в качестве организованного труда. В отличие от континентальной Европы, британский малый бизнес оказался анахронизмом для британского общества, пока в 1979 г. дочь торговца зеленью не стала премьер-министром.

Институционализация общественного представительства по каналу организованного труда была следствием формализованных процессов, происходящих в особые периоды кризиса. По мере того как повседневное согласование мнений рутинизировало легитимность одной группы общественных интересов над другой, стали разделяться и становиться нормой воспоминания о кризисе и ролях, которые играли в нем основные стороны. Таким образом, вопреки представлениям о том, что обеспечение занятости через финансовые субсидии мелким фирмам помогло бы избежать «революционных тенденций», для послевоенного восстановления была выбрана опора на организованный труд. Ключевые фигуры в министерстве финансов, вовлеченные в послевоенную национализацию, включая С. Крипса и Дж. Кейнса, воспринимали мелкие фирмы как некомпетентные и ненадежные. По мере развития механизмов корпоративного планирования, они рутинизировали представление об обществе как об организованном труде и крупном бизнесе, когда мелкие фирмы все чаще рассматривались как инструменты ухода от налогов.

1. Введение

Статья критически представляет идею консенсуса на примере послевоенного консенсуса, основанного на исключении мелких фирм из общественной жизни и политики. Вслед за Керром я утверждаю, что именно радикаль-

* Доклад, представленный 28 октября 2004 г. на ежегодной конференции ЕАЕРЕ (Европейской ассоциации эволюционной политической экономии) в Ретимно (Греция). Публикуется по договоренности с автором.

ная деятельность государства в этот период является причиной популярности понятия «консенсус». Я полностью согласен с Пимлоттом в том, что ключевые характеристики консенсуса с трудом поддаются определению. Но вместо того чтобы полностью отвергать понятие консенсуса, как это делает Керр, в статье исследуется альтернативная интерпретация консенсуса как основанного на коллективной памяти. Как показывает в своей работе Кретохвил (Kratochwil 2004), коллективная память связывает воспоминания прошлого с проектами будущего для тех, кто разделяет определенное мировоззрение (или идеологию) и идентичность. История, получившая приоритет в коллективной памяти и выраженная посредством идентичности тех, кто ее разделяет, определяет одновременно возможное и морально правильное и таким образом задает важные направления деятельности людей. Такое утверждение позволяет говорить о большем единстве политики и меньших разногласиях между акторами, на что обращали внимание критики тезиса о послевоенном консенсусе, и подчеркивает силу коллективных воспоминаний для тех, кто формулировал консенсус трудностей, связанных с довоенным капитализмом *laissez faire* и безработицей периода депрессии между мировыми войнами. Эти коллективные воспоминания придавали силу языку, который звучал в дебатах и политике консенсуса. Но они также развивали идентичности современной Британии, совместную цель акторов и коллективные идентичности, к которым приводили их эти воспоминания.

Одна из центральных характеристик послевоенного консенсуса состояла в отказе от прошлого. В терминах экономической политики безработица стала неприемлемой, так же как и недостаточное обеспечение государственного медицинского страхования. Основные источники неопределенности ушли в прошлое, поскольку послевоенный консенсус заменил добровольные социальные институты институтами, спонсируемыми государством. Послевоенное государство интернализировало управление политикой, расширив ее роль в обществе и экономике до невиданного ранее уровня. Помимо легитимации высокой степени государственной деятельности и выбора новой экономической философии, прогрессивное и современное государство было отделено от до- и несовременного. Возникло коллективное видение нового, выраженное через интервенционистскую кейнсианскую политику и всеобщие права на благосостояние и отличавшееся от рассеянного и дифференцированного мира довоенного *laissez faire*. Организованные политические элементы — такие как Конгресс тред-юнионов (TUC), Федерация британской промышленности (FBI) — оказались вовлечены в политические решения, неорганизованные же отпали.

Это особенно сильно ударило по мелким фирмам. Нерасположенным к объединительным стратегиям профсоюзного движения, обладающим базовым и инструментальным взглядом на политическую жизнь, мелким фирмам осталось лобби на местном уровне, по мере того как власть в британской политике централизовывалась. Политика военного времени, благосостояния и революции господствовала в межвоенный период, и соглашения на национальном уровне включали профсоюзное движение и недавно созданный FBI. Местная политика стала сильнее контролироваться государством,

посредством государственного вмешательства были усовершенствованы те сектора, где преобладали мелкие фирмы, а нерегулярная и дискреционная поддержка, которая оказывалась рабочим в мелких фирмах старого образца, была заменена всеобщими ценностями и стандартами. Исключение мелких фирм из общества, на основе их низкой производительности, условий труда и коррупции, стало основой политики консенсуса в послевоенный период и в современном британском государстве.

Таким образом, неприятие мелкой фирмы предшествовало чаще обсуждаемому консенсусу послевоенного времени. Это является предпосылкой интервенционистского представительного государства (Hall 1984). Послевоенный консенсус был результатом коллективной памяти о провале дезорганизованного конкурентного капитализма, по сравнению с которым организованный монополистический капитализм оказался предпочтительнее. По мере формализации этого консенсуса британская политика демонстрировала явный уклон в сторону институциональных и рутинизированных способов согласования мнений. В соответствии с теми взглядами, которые уже стали частью технократических решений, послевоенный консенсус оказался удобнее, нежели раздробленные и местнические предпочтения. Новая идеализированная идентичность периода консенсуса явно и неявно исключала предпринимателя (или мелкую фирму) из новой рутины политических решений, направляя политические ресурсы на поддержание щедрости современного британского государства.

2. Политика Консенсуса

В дебатах о британской политике XX в. до Блэра господствовала идея консенсуса (Addison 1993: 91–94; 1994; Addison 1987; Kavanagh 1987; Kavanagh 1992: 175–190; Kavanagh, Morris 1989; Marquand 1989; Dutton 1991; Butler 1993: 435; Seldon 1994: 501–514; Pimlott 1988; Jeffreys 1991; Brooke 1992). В общем предполагалось, что это был консенсус между ключевыми деятелями основных политических партий, профсоюзами и бизнесом о том, какими путями должна проводиться определенная политика*. Но хотя многие годы и для многих исследователей это был бесспорный факт послевоенной британской политики, за последние 20 лет произошел разрыв согласия по консенсусу. Дебаты о согласии после консенсуса приняли следующую форму: был ли консенсус, и если был, то когда он начался и когда закончился?

2.1. Был ли консенсус?

Вслед за Д. Каванагом и П. Моррисом, Питер Керр в своем обзоре за 1999 г. полагает, что согласие было достигнуто в следующих областях:

– «всеобщее трудоустройство, подкрепляемое кейнсианскими техниками управления спросом;

– смешанная экономика, включающая общественную собственность в основных отраслях промышленности;

* Д. Каванаг и П. Моррис проводят это различие в виде *стиля и набора политик* в своей работе (Kavanagh, Morris 1989: 3–4).

– активное правительство, предполагающее широкий спектр осознанной ответственности государства и движение в сторону большего вмешательства в экономику;

– промышленные отношения, влекущие примирение с профсоюзами и их последующее включение в принятие политических решений;

– государство всеобщего благосостояния, подкрепленное идеями Бевериджа о всеобщем национальном страховании;

– внешняя и оборонная политика, подразумевающая утверждение Британии в качестве ядерной державы и члена Атлантического Альянса» (Kerr 1999: 68).

В течение долгого времени действительно было полное трудоустройство, особенно по сравнению с межвоенным периодом и временем прихода Тэтчер во власть. Кейнсианская экономическая политика, которая так успешно управляла экономикой военного времени, была формализована посредством политики макроэкономического управления спросом, проводимой с помощью трехсторонней системы в Национальном Совете по Экономическому Развитию (NEDC) (Middlemas 1983). Интервенционистская промышленная политика и общественная собственность также преобладали в национализации ключевых секторов, от железных дорог и телекоммуникаций до Английского Банка, и в развитии механизмов экономического контроля, таких, как Корпорация Промышленной Реорганизации, и позднее — Национальный предпринимательский совет (Ibid.). Можно говорить также об относительно примиренческих промышленных отношениях, особенно если сравнивать с европейскими и историческими британскими стандартами. Появился набор политических мер — одним из ярких примеров которых является Государственная служба здравоохранения — разработанных для обеспечения всеобщих стандартов благополучия, а сложные отношения Британии с Европой часто объяснялись прочностью «особых отношений»*.

Многие авторы, доказывающие существование консенсуса, ссылаются на его последствия. Это может быть прославление промышленной государственной машины и ее достижений в XX в., как писал Миддлмас (Middlemas 1979a), или же проявляться в форме беспощадной критики Хайеком и другими учеными экспансионистской роли государства. Маргарет Тэтчер кратко изложила эту мысль так: «Для меня консенсус представляется процессом отказа от всех убеждений, принципов, ценностей и политических стратегий» (Kavanagh, Morris 1989: 2).

Выгоды консенсуса могут быть спорными, но его влияние — никогда. Для многих он остается реальным в своем переходе партийной политики в технократическую сферу**.

Однако другие авторы, особенно те, кто исследовал архивные материалы этих периодов и отраженные в них дебаты, пользуясь государственным архивом в Кью, обнаружили, что идея консенсуса не выдерживает проверки.

* Одно из наиболее распространенных описаний см. в (George 1990).

** Относительно обмена между технократией и идеологией см.: (Benewick, Berki, Parekh 1973).

Бен Пимлотт сформулировал свое знаменитое определение, что «консенсус есть мираж, иллюзия, которая быстро исчезает по мере приближения к ней» (Pimlott 1988: 503). Он пришел к заключению, что единственный консенсус, который можно обнаружить, был между историками, которые искали убежища от Маргарет Тэтчер в воспоминаниях о лучших днях.

Несмотря на приведенные доказательства, открытый отказ Пимлотта был принят не всеми (Seldon 1994: 501–514). Так, полемизирующий с Пимлоттом Селдон указывает на разнообразие контекстов, в которых консенсус состоялся: среди сторонников партий, среди служащих Уайтхолла, среди партийных элит. Он идет дальше, приводя длинный перечень возможных характеристик консенсуса*.

2.2. Когда он начался?

Обычно исследователи консенсуса относят его появление к концу Второй мировой войны. Наиболее ярко это проявилось при правительстве Этли, которое в 1945–1951 гг. разработало ряд политических мер, нацеленных на расширение испытанных войной механизмов победоносного британского государства в проведении политики перераспределения и благополучия. Так, Каванаг и Моррис называют послевоенный консенсус, созданный правительством Этли, и администрацию Тэтчер двумя «ограничителями («bookends») современной британской политической истории» (Kavanagh, Morris 1989: 9). Этой идее соответствует и взгляд Пола Эдисона**, который считает, что консенсус появился несколько ранее, при коалиционном правительстве: «...Коалиция стала величайшим реформаторским правительством со времен либерального правительства 1905–1914 гг. В разгаре войны мы видим удивительный пример реформ, использующих тяжелое положение. Социальное страхование для всех, семейные пособия, крупная реформа образования, государственная служба здравоохранения, кейнсианский метод формирования бюджета, политика полной занятости, планирование городов и пригородов и тесные связи государства с промышленностью — все было приведено в действие весной 1943 г.» (Addison 1994: 14). Когда реформаторское лейбористское правительство, стремившееся решить проблемы обнищавших рабочих, вступило в партийную политику после Тафф Вэйл, оно вряд ли могло быть в лучшем положении.

Но большинство авторов смотрят еще глубже в историю, стремясь выявить модели британского правительства: одни описывают консенсус как определяющую характеристику британской политики, как следствие парламентского правления (Seldon 1994: 508–513). Те авторы, которые описыва-

* Консенсус мог включать различия — будь то внутри ведомства или вне его, — в идеологии, риторике, могли существовать разные степени консенсуса; согласие могло быть как по частным, так и по широким политическим проблемам. См. (Seldon 1994: 504–507).

** Благодарность, которую Эдисон выражает Джеффри за проделанный тем «стимулирующий опыт ревизионизма» может подразумевать, что он не был полностью удовлетворен его акцентом на создании Этли послевоенного консенсуса. См. его обзор (Addison 1993) работы Джеффри (Jeffrey 1991).

ют медленную эволюцию, подчеркивают постепенное установление институтов как часть генеалогии политической практики*. Другие обращают внимание на революционные изменения, заключающиеся, например, в идее «Нового Иерусалима» после 1945 г., или в «представительном/интервенционистском государстве» на исходе XX столетия (Kavanagh, Morris 1989; Hall 1984).

2.3 Когда он закончился?

По-видимому, можно обозначить три пути окончания консенсуса (см. Kavanagh 1985: 529–546, 1987). Во-первых, он кончился в разногласиях, возникших в начале 1960-х гг. в связи с признанием международного и политического упадка Британии и с ее экономической неудачей и промышленной борьбой в 1970-е гг., особенно «зимой недовольства». Это объяснение показывает постепенный упадок отношений между государством и обществом, ставший результатом консенсуса. Оно также включает кейнсианство, хотя обвинения были направлены скорее не против самих идей, а против их применения и в целом против правительства.

Во-вторых, консенсус испытал постепенный упадок как у левых, у основных игроков, таких, как Тони Бенн, которые видели в нем компромиссный социализм, так и у правых, которые стали тэтчеровскими реформаторами, таких как Кейт Джозефс. Обе стороны стремились со стороны политических партий дискредитировать идеи политики консенсуса.

Наконец, победа Маргарет Тэтчер на выборах в 1979 г. ознаменовала конец политики консенсуса. Одновременно с публичным отвержением идеи политики консенсуса она активно поддерживала политику, которая ей противоречила. Эта политика включала «садо-монетаристский» бюджет Джеффри Хоу 1983 г., который позволил повысить занятость при повышении налогов, чтобы сбить инфляцию, и провести такую политику предложения на рынке труда, которая ударила по профсоюзам. Приватизация, дерегулирование и множество других методов политики свободного рынка открыто лишили государство прежде признанной за ним роли в обществе. Вместе с этой политикой наступили перемены в механизмах, с помощью которых она осуществлялась. Профсоюзы начали открытый конфликт, наиболее ярким примером которого является забастовка шахтеров в 1984 г., а деловое сотрудничество в основанной на консенсусе системе Национальной организации экономического развития (NEDO), в таких, например, организациях, как Конфедерация британской промышленности (СБИ), было отвергнуто в пользу новых интеллектуальных центров и групп интересов, таких, как Институт директоров.

2.4 Консенсус принят во внимание

Дискуссия, таким образом, выглядит удивительно поляризованной — «существует / не существует», «был / не был», «начался/закончился». Но в ос-

* Трэвор Смит, например, демонстрирует, как в межвоенный период представлялись и обсуждались институты консенсуса, установившегося после 1945 г. (Smith 1979). Миддлмас уделяет особое внимание институционализированным формам, а также тем, которые им предшествовали (Middlemas 1979a).

новном эти категории повторяются — есть лишь очень небольшая литература об уместности консенсуса сегодня и всего несколько попыток дать новое определение действительной природе самого консенсуса, например, по отношению к тем, кто в него вовлечен. Короче говоря, мало что было сделано для сравнения прошлого с настоящим.

Керр дал нам некоторые ответы на вопрос «почему именно сейчас?» Его вклад состоит в сборнике работ, использующих критическую методологию для анализа послевоенной британской политики*. Согласно аргументам Керра, тезис о консенсусе сохраняется постольку, поскольку он подчеркивает радикализм как Этли, так и Тэтчер. Консенсус стал продуктом интертекстуальности, «...посредством чего абстракция стала определяться через ее повторяющееся использование во множестве текстов» (Kerr 1999: 72). Посредством использования весьма выборочной информации и с чрезмерным акцентом на роли политических партий, идея политики консенсуса была поддержана, невзирая на множество примеров внутренних противоречий, которые гораздо лучше объясняют изменения, связанные с послевоенным государством в Великобритании. Пересматривая многие эмпирические выводы в литературе о консенсусе, Керр четко установил, что «вряд ли возможно охватить всю сложность послевоенной британской политики, используя простую формулу» (Ibid: 84). Тезис о консенсусе — не более чем эвристический инструмент, который, отвлекая внимание от внутренних конфликтов, материализует определенные политические партии и группы по сравнению с другими, например, финансовые элиты или деловые круги Лондона.

Во многих отношениях эта критика привлекательна. В частности, она побуждает к рассмотрению того, почему дискуссия вспыхнула вновь после поражения на выборах Нейла Киннока. Когда избиратели были лишены своих прав администрацией Мэйджера и ожидали нового соглашения при многообещающем молодом Тони Блэре, гимн тезиса о консенсусе в адрес радикальной и деятельной политики под руководством государства использовал возможности, предоставленные прошлым. Критика также определила, как одни интересы (СБИ, TUC, политические партии) были переиграны в стиле политических решений, а другие — не доиграны (особенно деловые круги Лондона) (Ibid).

Но было много и других интересов, не вошедших в стиль политических решений консенсуса. В сравнении с политической ситуацией сегодня, политика консенсуса, о которой шла речь выше, была серьезно скомпрометирована множеством новых социальных движений, которые стали связываться с постматериальной политикой. Это началось в 1970-е гг., когда консенсус уже находился под давлением. Рухнул ли консенсус по мере того, как новые голоса вытеснили тех, кто определял стиль консенсуса в правительстве, или трещины пошли среди тех привилегированных элит, которые прежде работали над его установлением?

* Эти подходы опираются на теоретически продуманные и эмпирические обоснованные исследования и многое заимствуют из постпозитивистских подходов, включая критический реализм, конструктивизм и марксизм (см. Marsh 1999).

3. Консенсус и власть

Для Керра политической ценностью обладает скорее идея консенсуса, а не он сам как таковой. Но почему один набор идей преобладает над другим? Что делает ряд политических решений последовательной политической программой и как продемонстрировать, что одни акторы имеют преимущества перед другими? Если мы обсуждаем идею консенсуса как применения власти, мы можем выдвинуть три сильно различающихся гипотезы по поводу того, почему он существует и был ли он хорош или плох. Применяя три измерения дискуссий о власти Лукеса, мы можем изучать следующие возможные объяснения дебатов о консенсусе*.

3.1. Консенсус как одномерная властная игра

Исследование Далем политики Нью-Хейвена показало, что политические элиты, представляющие взгляды определенных групп, применяют предпочтения своих избирателей в бюджетных решениях. Элиты не столько принимали политические решения согласно своим собственным желаниям, а не желаниям своих избирателей, сколько отражали взгляды тех избирателей, которых они вызывались представлять (Dahl 1961). Для понимания консенсуса, таким образом, мы могли бы рассматривать политику как представляющую особый набор господствующих общественных интересов. Так полная занятость и государство всеобщего благосостояния отражали интересы организованного труда, поддерживая нужды рабочих и смешанной экономики, а интервенционистское государство отражало экономические интересы ключевых бизнес-групп., Эту точку зрения выражают, очевидно, такие авторы, как Миддлмас, утверждая, что политика консенсуса была продуктом общего набора предпочтений во всем обществе, так что правительственные элиты... «стремились посредством компромисса избежать кризисов в чувствительных областях, таких, как заработная плата и условия труда, общественный порядок, иммиграция, женская безработица, упраздняя “естественную анархию конкурирующих волей” Гоббса, не вызывая к авторитету..., а через удовлетворение и сбалансирование желаний больших, хорошо орга-

* До сих пор полезным отправным пунктом для дискуссий о власти является работа Стивена Лукеса «Власть: радикальный взгляд (Lukes 1974). Он описывает три измерения власти. Первое измерение власти относится к плюралистической форме Даля, когда власть исследуется в осуществлении предпочтений одного актора над предпочтениями другого (власть А над В). Второе измерение власти относится к организационному уклону, предполагающему, что предпочтения одного актора могут преобладать над предпочтениями другого, если правила политической игры устроены так, чтобы действовать в пользу этих предпочтений. Власть может применяться незаметно, к примеру, власть устанавливать повестку дня. Третье измерение власти описывает, как интересы власти производятся посредством убеждений, идеологий и норм. Основанное на понятии Фуко о продуктивной власти, оно объясняет, как политическая идентичность может создаваться через рутины так, что власть осуществляется помимо сознания субъекта. Некогда выступавшее под именем «ложного сознания» или идеологической власти, это третье измерение служит опорой для многих представителей конструктивизма.

низованных коллективных групп в ущерб индивидам, меньшинствам и девиантам» (Middlemas 1979a: 28–49).

Миддлмас придает роли государства в установлении консенсуса большее значение, чем простой плюралистический взгляд*, но допущение, что политические деятели представляют определенные предпочтения, разделяемые их избирателями, что эти интересы ведут к доказуемым последствиям в политике и что это все имеет место в институтах, которые одновременно функциональны и не исключительны, делает его подход одномерным.

3.2. Консенсус как двумерная властная игра

Существует большая литература, которая описывает организационный уклон модели консенсуса. Дэнис Каванаг, главный сторонник тезиса о консенсусе в 1980–1990-е гг., специально ссылается на второе измерение власти и описывает ее как форму организационного уклона. «“Политический консенсус” и связанные с ним понятия “гегемона”, “народных обычаев”, “политической культуры”, “правил игры” и пр. представляет собой мобилизацию этого уклона. Политический консенсус благоволит определенным интересам и направляет внимание на определенные вопросы и процедуры, отвергая остальные. Здесь мы имеем то, что социальные ученые называют «вторым лицом власти», тем, что создает политическую повестку дня» (Kavanagh 1985: 529–546)**.

Если Каванаг всячески поддерживает понятие консенсуса, то другие авторы более критичны. «Закат Наций» Манкура Ольсона явно определил чрезмерный уклон в сторону организованного труда как фактор, приведший к упадку британской и многих других индустриальных экономик. Критический взгляд Маргарет Тэтчер на консенсус отражает устойчивую оппозицию политике консенсуса, озвученную многими в течение XX столетия (Smith 1979).

Влияние этого уклона на политическую жизнь теперь отражается в гораздо более обширной литературе, начиная с манифеста по изучению организационных факторов в политической жизни, опубликованного Марчем и Ольсоном в *Американском Ревью Политических Наук* в 1984 г. После опровержения Марчем и Ольсоном тезиса о том, что почти все вещи являются политическими***, теперь считается, что организации влияют на политику скорее через сопротивление изменениям или путем поддержания дисфункциональных убеждений, нежели через ясное воплощение мыслей в политических программах.

3.3. Консенсус как трехмерная политическая игра

Анализ Керра соответствует идеационному повороту в политической науке и как таковой обращается к продуктивной власти****. Политика кон-

* См., прежде всего, книгу (Middlemas 1983), где автор описывает свою работу в корпоративном Национальном совете по экономическому развитию.

** Каванаг ссылается на книгу (Bachrach, Baratz 1962), на которую также опирается Лукес в его втором измерении власти.

*** Они скрыто призывают к отказу от функционализма, универсализма, редукционизма и инструментализма (March, Olsen 1984: 734–749).

**** О роли идей в политике исходя из перспективы Керра см. главы 5 и 6 из книги (Hay 2002).

сенсуса сомнительна, поскольку присущий ей недостаток точности ведет к манипуляции и явным требованиям действий со стороны государства. Описание периода консенсуса как такого, во время которого произошли великие изменения в политике, в равной мере вселяет в нас веру в то, что такое возможно опять, и позволяет нам занять одну из сторон в дебатах. Так, для тех, кто вспоминает период консенсуса с нежностью, новый консенсус может стать именно тем, что нужно для возврата к универсализму всеобщего благосостояния, который, по мнению многих, разъеден глобализацией*. Те же, кто презирует излишне заботливый стиль вмешательства в период консенсуса, используют худшие из его промахов для демонизации государственного вмешательства и проведения политики дерегулирования и приватизации, которая активно демонтирует государство и его влияние на общество.

Описанные взгляды явно противоположны и, возможно, объясняют уязвимость дебатов по политике консенсуса. Но если критика Керра основывается на неспособности идей точно представлять практические интересы политиков, то как оценивать роль любой идеи?

4. Коллективная память и идентичность

Критика Керра основывается на использовании прошлого опыта для оживления и легитимации нового опыта и на предположении, что память поддерживается скорее коллективными, чем индивидуальными стремлениями**. Поэтому история неизбежно склонна к политизации благодаря усилиям «символических банкиров общества» (Barthel 1996), часто признанных официально. Кейт Уилсон полагает, что правительство и чиновники опасаются историков, что они занимаются историческим проектированием, оказывая предпочтение патриотической истории, которую историки часто чувствуют себя обязанными писать, и, что «в изготовлении или формировании коллективной памяти роль правительств всегда больше, чем роль историков, и, видимо, останется таковой» (Wilson 1996).

Правительства также в немалой степени придумывают историю, поскольку действия современного правительства внутренне затемняют и стирают значение прошлого. Оправдание прогрессивной политики, например, предоставление всеобщей медицинской помощи, требует, чтобы будущее не определялось и, соответственно, не увязало в прошлом. Более вероятно использование истории для оправдания и определения будущего. Таким образом, представление исторических событий консервирует нормативные суждения в оболочке факта, давая привилегии одной истории перед другой и снимая вину за преступления. В книге Тейлора «Истоки Второй мировой войны» утверждается, что обвинение Гитлера в планировании и начале Второй мировой войны на Нюрнбергском процессе было политически и морально удобно

* См. (Ferrara, Rhodes 2000: 257–288; Rhodes 2003). Другие, например, неокейнсианцы, утверждают, что управление спросом является сегодня столько же необходимым, как и во время консенсуса 1945 г., причем как на национальном, так и на европейском уровне.

** Обычно считается, что это положение разработал Морис Хальбвакс в работе (Halbwachs 1950).

людям того времени, так как позволяло «немцам говорить, что они невинные жертвы нацистского режима, отвлекая внимание от политики и деятельности других довоенных лидеров, и сделало немцев приемлемыми партнерами в холодной войне как для Советского Союза, так и для США» (Hughes-Warrington 2000: 306).

История, тем не менее, неизбежно оспаривается, поскольку она поверхностно касается трагического опыта и оправдывает настоящее (Hodgkin, Radstone 2003). Но кроме избавления настоящего от прошлого, коллективная память также формирует идентичности*. В своем введении к английскому переводу 1950 г. книги М. Хальбвакса «Коллективная память» Мэри Дуглас говорит о его тесном сотрудничестве с Дюркгеймом в качестве студента и коллеги. Его более ранняя работа дает социологическое объяснение потреблению и идентичности, тогда как его работа о памяти... «отмахивается от индивидуальной психологии и настаивает, что даже наши самые личные чувства и мысли вырастают из социальных ситуаций» (Douglas 1950).

Память, таким образом, столь же конструктивна для коллективной идентичности, как и для политических аргументов. Память может оживлять не только понятия класса и нации, но и представление об идентичности «других». Родительские рассказы о войне влияют на наше восприятие давно примирившихся врагов, а религиозные притчи распространяют предрассудки. «Современный» академический мир далек от неприкосновенности. Гамильтон, например, основательно критикует тезис о том, что низший средний класс образует основу для поддержки национал социализма в Германии (см. Hamilton 1996; Crossick, Haupt 1995). Работа Р. Дарендорфа «Общество и демократия в Германии» (Dahrendorf 1967) определяет низший средний класс как группу, но не может обеспечить убедительную методологию для «описания установок, взглядов и поведения этого класса». По словам Гамильтона... «“Осознанная осмотрительность” и “обоснованная оценка” являются изящным способом сказать “у меня нет оснований для этих заявлений”». “Интерпретативная конструкция” имеет простой перевод — догадка» (Hamilton 1996: 155).

Объяснение Гамильтоном распространенного взгляда на низший средний класс в Германии акцентирует политическую природу дискуссии об этом классе: «Маркс и Энгельс увековечили ряд утверждений — гипотез — о среднем классе. За несколько десятилетий большинство их последователей пришли к “консенсусу” по поводу реакционной позиции данного класса, приняв его как действительный, точный или “верный” взгляд на предмет. Многие немарксисты, представители либеральной интеллигенции, также признали этот консенсус, который стал обычным элементом мировоззрения социальных и гуманитарных наук в Европе и Северной Америке... Эта интеллектуальная традиция, видимо, особенно укоренена в Германии, главным образом — в

* Пеннибейкер и Банасик полагают, что коллективная память образуется и поддерживается вокруг событий, которые затрагивают главные институциональные изменения, часто обсуждаются и разделяются, эмоционально нагружены, касаются такого индивидуального поведения в коллективе, как преступление, и особенно релевантны для идентичности поколений, как правило, с циклом в 20–30 лет. См. (Pennebaker, Banasik 1997: 17).

среде социал-демократии... Этот взгляд дает готовое “объяснение” возвышения национал-социализма» (Ibid: 160).

Предположение, которое подкрепляло идею, что низшие средние классы поддерживают фашистов, состояло в том, что ощущая угрозу, исходящую от современного промышленного капитализма, они обращаются к реакционной политике крайне правых. Однако Дарендорф был не одинок в своем допущении неизбежной гибели мелкой буржуазии: Адам Смит, Стюарт Милль, Альфред Маршалл и Карл Маркс делали то же допущение (Philips 1979). Проблема понимания классово-идентичности низших средних классов крайне затруднительна (Crossick 1994: 251–279). Ярчайшие современные социальные теоретики подвержены искажениям коллективной памяти, и многие исторические оценки сейчас рассматриваются скорее как представляющие господствующий дискурс дня, нежели как «точные» исторические свидетельства (Freeman 1993; Bann 1990)*. Экспертам не доверяют, и объективные стандарты статистического анализа лишь затемняют непоследовательность.

Коллективная память образует основную часть политической идентичности. Она легитимирует одних деятелей по сравнению с другими, указывает на современных отверженных. Не будучи новой идеей, эта характерная политическая деятельность всегда использовалась для мобилизации армий, единения наций и запуска революций. Но в более обыденном смысле это также способ ограничения политических действий и оправдания степени вмешательства. Коллективная память мобилизует, наказывает, реформирует и преследует. Совершая это, она проводит различие между приемлемой и неприемлемой идентичностью, и тщательно определяет подходящее поведение политических субъектов.

4.1. Консенсус как коллективная идентичность

«Политические поколения часто выступают против своих непосредственных предшественников. Подобно тому, как 1945 год означал отказ от межвоенного периода, 1979 год ознаменовал период, в котором послевоенный консенсус оказался выставлен в качестве анти-модели политиками обеих партий» (Kavanagh, Morris 1989: 22).

Вооруженные этими теоретическими размышлениями о коллективных аспектах памяти, мы можем рассмотреть исследования консенсуса и его причин, проведенные Каванагом и Моррисом. Каждое поколение политических деятелей «выступает против» предшественников, «отвергая» прошлое, причем «обе партии» демонизируют «анти-модель». Подобно нормативному преимуществу, которое получают новые поколения от осуждения политики своих родителей, коллективный отказ от их политики по всему политическому спектру явно превосходит простой политический выбор или согласие мнений. Послевоенный консенсус был основан на единой коллективной идентичности, сформированной отказом от прошлого. Более того, эта

* Возражения против постмодернистской интерпретации истории см. в работе (Joyce 1998: 207–235).

коллективная память вышла за пределы партийной политики в интеллектуальную сферу, как, например, в принятии технократии. Но определить, чья память лучше помогает нам объяснить образование консенсуса, гораздо сложнее. Уместность коллективной памяти важна лишь в ее применении к текущим событиям, она сохраняется официальными правительственными создателями памяти и используется как механизм для формирования будущего пути и поддерживающих ценностных суждений общества. Она будет противоречивой и эмпирически сомнительной, но достигнет достоверности посредством утверждений об объективности. Таковы критерии коллективной памяти, которые поддерживают основу новой политической идентичности, например, консенсуса, и все они находят воплощение в мелкой фирме.

5. Коллективная память, коллективизм и исключение мелких фирм

Объяснение демонизации низших средних классов, данное Гамильтоном, ставит вопрос, почему этот взгляд стал доминировать, и при каких условиях он получил такую поддержку. Так же как включение предприимчивых низших средних классов при Тэтчер могло бы быть оправдано в ответ на центральную гипотезу работы М. Уинера «Английская культура и закат промышленного духа»*, так и отказ от предпринимателей был частью позитивного и широко поддерживаемого проекта социальных и послевоенных культурных реформ. Основные политические дебаты сосредотачивались на замене местничества универсализмом в докладе Бевериджа о Государственной службе здравоохранения, случайного — функциональным, с надеждой на то, что новые государственные институты смогут осуществить изменения, индивидуального — коллективным в утверждении трехсторонних переговоров, и экономического — социальным посредством проведения редистрибутивной политики. Эти сдвиги в главном допущении политического не могли утвердиться без конкретного оправдания, и согласно этому воплощение этого оправдания было найдено в мелкой фирме.

Добродетель редко усматривали в предприятии (Mcloskey 1998: 297–317), и коллективная память, которая наполняла послевоенный консенсус, участвовала в формировании политической идентичности, не одобряющей мелкие фирмы. Мелкая буржуазия выступила не в лучшем свете, будучи ненадежной в своем распоряжении деньгами закона о бедных**. Исторически враждебность по отношению к предпринимателям была хорошо представлена в культурной сфере, особенно такими популярными писателями, как

* См. (Wiener 1981). Кейт Робинс критиковал работу Уинера в своей статье (Robins 2001) следующим образом: «Профессор Уинер прекрасно осознал атмосферу и возможность продолжительных размышлений над тяжелым положением Британии». Центральный тезис Уинера о том, что Британия не была предпринимательской страной в период с 1850 по 1980 гг., породил значительную литературу о роли культуры.

** Описывая провал старых законов о бедных до их реформы в 1834 г., Робертс указывает, насколько пестрым было их применение со «многими приходами, оказавшимися в руках лавочников и трактирщиков, которые не сумели подняться до безвозмездной помощи ради оживления бизнеса». См. (Roberts 1960).

Чарльз Диккенс, который карикатурно изобразил экономического человека в самом нелицеприятном свете (Henderson 2000: 141–151). Творцы и участники современного промышленного государства рассматривали мелкую фирму как неэффективную, некомпетентную и ненадежную, и действовали в соответствии с этим представлением, чтобы исключить мелкую фирму из ключевых политических решений и событий своего времени. Разделяемая обеими политическими партиями, технократами и интеллектуалами, приверженность коллективизму послевоенного консенсуса описывает то, как переосмысление истории переопределяет политическую идентичность.

Послевоенный консенсус часто рассматривается как прямое следствие коллективного опыта войны*. «Мы продемонстрировали в ходе той войны, что мы, британцы, не всегда кое-как доводили дело до конца; мы показали, что мы способны к великолепной организации — взгляните на эти вторжения на континент, которые прошли с точностью часового механизма; взгляните на порты, построенные нами на этих пляжах. Никаких больше извинений безработице, трущобам и недоеданию»**.

Но коллективизм был вряд ли в новинку к 1939 г. Действительно, господствующие политические дискуссии предшествующих 50-ти лет касались процесса объединения, эффективности, социального обеспечения и национализма — все это под флагом современности и часто национализма.

За этот период прежние традиции *laissez faire* были пересмотрены, отвергнуты как устаревшие и преданы истории. С новыми институциональными правилами и процедурами, вместе с принятием современных коллективных идеалов, особая политическая идентичность, которая представляла культуру мелкой фирмы, потеряла почти все. Задолго до того, как социал-демократы или «либеральная интеллигенция» смогли демонизировать мелкую фирму, объединяющие призывы к производительности, войне и трипартизму привели к ее политическому исключению. Когда же установился консенсус, и сформировалась единая коллективная идентичность вокруг национального государства, был заложен фундамент реформ государства всеобщего благосостояния в послевоенный период. Коллективная память мелкой фирмы как неэффективной, спекулятивной и местнической была сформирована задолго до того, как грянул первый выстрел Второй мировой войны.

5.1. Производительность

Идея о том, что экономическая политика государства в течение XIX в. была политикой *laissez faire*, прочно утвердилась, но не является бесспорной. Государство уже установило свое право вмешиваться в экономические дела, регулируя распространение идей через патентное законодательство, применяя права на железные дороги в 1844 г., революционизируя корпоративное управление повторным введением акционерных компаний в Законе

* Впечатляющее описание того, как Вторая мировая война продолжает доминировать в британской политической системе, см. в работе (Morgan 1997: 131–153).

** Эта запись беседы журналиста Г. Ходсона с «радикальным юным другом» в сентябре 1944 г. приведена в книге (Addison 1994: 19).

о Банках 1858 г. и в Законе об Ограниченной Ответственности 1862 г. Оно даже диктовало метод промышленного производства в Законе о Щелочи в 1863 г. Более того, желание в послевоенный период вернуться к идеализированному викторианскому расцвету *laissez faire* внесло вклад в восстановление золотого стандарта в 1925 г. (Tiratsoo, Tomlinson 1993). Но этому не суждено было продолжаться долго, поскольку... « для многих в конце 1920-х гг. казалось очевидным, что британская промышленность должна быть реорганизована, чтобы восстановиться, и это подтвердилось множеством материалов, представленных и воспроизведенных в официальной форме Бальфуровским комитетом» (Ibid: 15).

В беспокойные межвоенные годы теплые воспоминания о предпринимательском росте *laissez faire* постепенно исчезали, по мере того, как становилось ясно, что экономическое лидерство Великобритании теряет силу, и что мир в значительной мере изменился*. Противоречия усилились, когда казначейство в течение некоторого времени отстаивало свой взгляд на то, что золотой стандарт и *laissez faire* должны преобладать**. Суть проблемы была кратко определена в правительственной докладной записке, отправленной С. Чэпменом (Торговая Палата) сэру Ричарду Хопкинсу: «Главные причины торговой депрессии и безработицы в Соединенном Королевстве можно выразить одной фразой — Великая Война и ее последствия» (ECB 1930: 1).

Эти последствия определили гораздо более активную роль государства в экономике. Так в Германии, Франции и Бельгии реконструкция промышленных территорий, пострадавших от войны, обеспечила компаниям «наиболее современный план и новейшее оборудование» (Ibid: 8). Британия была в трудном положении, поскольку «в значительной мере деньги для этих целей были взяты соответствующими правительствами из репараций» (Ibid: 8), к которым Британия имела меньший доступ. Но последствия этих инвестиций были ясны: «Можно с уверенностью допустить, что [в Германии и Франции] пропорция модернизированного оборудования выше, чем в соответствующих отраслях промышленности Соединенного Королевства» (Ibid: 8). Правительственное вмешательство поэтому рассматривалось как ключевое, если британская экономика собиралась выиграть от «значительных капитальных расходов, которые превосходили возможности британских промышленников» (Ibid: 8).

Вопрос о том, какую форму должно принимать это вмешательство, приводил политиков в замешательство в течение многих лет. После Первой мировой войны приверженность к более координированной мирной экономике росла вместе с стремлением к эффективности, присущим модерну. Но совершенно ясно, что идея коллективного действия, особенно на уровне нации, была отпадным моментом того времени. Предоставляя показания Баль-

* О том, как изменилась роль государства, и о месте в этом Кейнса и Комитета Макмиллана см. (Dannreuther, Kessler 2004).

** См. (Peden 1993: 224–249), а о проникновении идей Кейнса в критические дискуссии — (Booth 2001: 346–366).

фуровскому комитету в 1922 г., Федерация британской промышленности разъяснила, что «в основе всей этой части лежит идея, что нам следует определить, можно ли попытаться контролировать нашу промышленную судьбу, не оставляя ее, как мы делали в предвоенные годы, на волю случая»*. В самом государстве также было необходимо усиление координации. Колин Кларк, бывший член Экономического консультативного совета, жаловался, что «каждый правительственный департамент, так или иначе заинтересованный в экономической политике, считает себя вполне суверенным и независимым от других департаментов в своей собственной сфере, будучи номинально подчиненным контролю кабинета, но фактически контролируемым только руководством казначейства» (Clark 1932: 261).

Банк Англии занял наиболее активную роль в утверждении рационализации, чтобы защитить инвестиции своих клиентов и противостоять воздействию безнадежных долгов на финансовую систему (Tiratsoo, Tomlinson 1993: 5). Расширение власти государства в первые десятилетия XX в. отчасти стало ассоциироваться с выгодами от реорганизации экономической деятельности и экономии от масштаба, как показано в документе Лейбористской Партии, поддержавшей Закон об угольных шахтах 1930 г. Поскольку между шахтами не было связей, реорганизация для увеличения производительности и международной конкурентоспособности должна была бы осуществляться частными собственниками. В середине 1920-х гг. половина из 2481 шахт использовали труд менее 50 работников, производя менее 1 % совокупного продукта лишь с 1 % рабочих, тогда как одна шестая продукции шла от трети шахт, использующих труд 50–500 рабочих. 1400 отдельных предприятий владели 2481 шахтой, половина которых имела менее 100 рабочих. Результатом был устаревший сектор с 4 % основного оборудования старше 100 лет и 1/3 — старше 50 лет (Chick 1998).

Это не было простым результатом национального строительства — многие комментаторы указывали на роль технологии. Так, Гелбрэйт, подобно Марксу, имел в виду именно это, когда писал, что «мелкая фирма не может быть восстановлена разрушением власти более крупных фирм. Это потребовало бы скорее отказа от технологии, приветствовать которую мы научены с самого детства» (Galbraith: год 33). Отказ от мелкой фирмы не был политическим решением, «императивы технологии и организации, а не образы идеологии, являются тем, что определяет форму экономической деятельности» (Ibid: 7).

Кроме возросшего доверия, которое погоня за эффективностью дала организационным возможностям государства, было еще широкое и растущее недоверие к частному сектору. Письма в «Таймс» выражали озабоченность «тщетностью надежд на то, что индивиды будут подчинять свои частные интересы национальным интересам» (письмо Фирта и Томаса в «Таймс» от 22 февраля 1934 г., цит. по: Chick 1998), а попытки модернизации стали неудобной смесью «худших свойств частного предприятия и государственно-

* Вопрос № 24934 (от 17 марта 1927 г.) устных показаний, данных мистером Глендеем от имени FBI Бальфуровскому комитету в PRO BT 55–2 BAL M3.

го вмешательства» (Tiratsoo, Tomlinson 1993: 8). Этот взгляд был распространен на высших уровнях технократии. Джон Мейнард Кейнс выразил эту идею так: «Средний бизнесмен уже не рассматривается как лихорадочно действующий и проворный персонаж классических экономистов, который никогда не упускает шанса заработать пенни, если это в пределах человеческих возможностей, и всегда стремится к достижению этих самых пределов. Новый взгляд на него, как представляется, изображает его беспечным малым, который доволен своим доходом и не будет особенно шевелиться, чтобы максимально его увеличить» (Keynes 1930, цит. по: Chick 1998: 76–77).

Национальное производство не могло больше полагаться на предпринимательский дух, который вел промышленную революцию. Кроме обвинений в лени и неэффективности, народное возмущение неистовой спекуляцией, которая окружала контракты на снабжение армии в Первую мировую войну, заклеивало многих предпринимателей как обманщиков. Это было институционализировано через действия государства, стремящегося ограничить неумеренную спекуляцию*. Закон о налоге на сверхприбыль, который дал «право игнорировать, в целях обложения, любые фиктивные или искусственные транзакции, введенные для целей уклонения или избежания подоходного налога», широко цитировался в отчете Королевской комиссии по подоходному налогу в 1920 г**. Почти сорок лет спустя, когда мелкие фирмы стали политически активны в ответ на налоговые меры Лейбористской Партии 1965 г. в отношении закрытых компаний, их представителей больше всего обижали как раз подобные допущения о коррумпированности мелких фирм***.

5.2. Трипартизм

Викторианская эпоха, так тесно связанная с *laissez faire*, широко принимала профсоюзы, и ростки трипартизма были посеяны именно в то время. Члены профсоюза часто рассматривались как наиболее производительные, умные и умелые работники. Поддержку профсоюзам оказывали самые разные предприниматели, а не только наиболее прогрессивные как, например, Джозеф Роунтри; утверждалось даже, что профсоюзы «предотвратили гораздо больше споров, чем вызвали»****. Некоторые из более радикальных

* См. подготовленную различными департаментами и министерствами «Докладную записку, представленную на рассмотрение отборочной комиссии Совета по Внутренней Политике по вопросу предлагаемого налогообложения роста благосостояния в военное время» (Cmnd 594. XXVII. 275. London: HMSO, 1920).

** См. «Доклад Королевской Комиссии по подоходному налогу» (Cmnd 615. XVII. London: HMSO, 1920. Point 635. P. 137).

*** См. ссылку секции 21 финансового акта 1922 на «Комитет по Закрытым Компаниям, Основную повестку дня — пункт 7 (h, i, ii)» PRO IR 40 16862.

**** Из речи сэра Бенджамина Брауна, спикера от Северо-Восточной сталелитейной и угольной промышленности в Королевской комиссии по торговым спорам и торговым объединениям 1906 г. (Parl Papers 1906. Vol. LVI Q2780. Цит. по: Phelps Brown 1983: 24). Миддлмас отмечал, что «федерации профсоюзов обычно принимались работодателями в новых отраслях промышленности, поскольку их функции были шире, чем у простой группы интересов». См. Middlemas 1979a: 71).

членов социалистического движения, подобно Уильяму Моррису, были одновременно известны как ремесленники и мастера*. Для многих, особенно для тех, кто пытался ограничить влияние закона о занятости на мелкие фирмы, идея по-отечески заботливого работодателя и счастливого рабочего мелкой семейной фирмы сохранялась в качестве популярного образа промышленного благоденствия.

Подобно профсоюзам, давно усопшее цеховое движение стремилось к защите работы и статуса своих членов против «замены» со стороны мало-квалифицированных или низкооплачиваемых работников (в XVII в. эту задачу выполняли ливрейные компании Лондона. См.: Berlin 1997; Thomson 1963). Схожая форма саморегулирования проявлялась и в мобилизации владельцев мелких лавок. Ведущие лавочники, работающие в смежных формах розничной торговли (как, например, пекари, мясники, и др.), стремились к схожим оправданиям правительственного регулирования рабочего времени. Их напугали «домашние» лавочники, которые обеспечивали широкий спектр отечественных товаров, не относясь при этом к определенному сектору торговли. Домашние лавочники были владельцами мелких магазинчиков, использовали скорее работников — членов своих семей, нежели наемных и опытных рабочих, и с согласия ведущих торговцев оставались открытыми дольше и работали в выходные. Эти две стороны розничной торговли встретились, когда Закон о лавках, предложенный министром внутренних дел Уинстоном Черчиллем в 1911 г., стремился ограничить рабочее время и, таким образом, лишить ведущих лавочников «прожиточного минимума»**.

Однако конфликт между трудом и мелким бизнесом, или ремесленным сектором, был очевиден еще до 1900 г. Работодатели обычно отвечали на развитие новых профсоюзов присоединением к другим работодателям, чтобы разбить их. Так, Фелпс Браун рассказывает о хозяевах типографий, разваливших новый профсоюз в Эдинбурге в 1846–1947 гг., и о владельцах швейных мастерских в 1867 г. (Phelps Brown 1983: 101). Но это происходило на местном уровне и без постоянной организации, поскольку их малое число и близость облегчали этот процесс. До 1900 г. влияние деятельности на национальном уровне было ограничено. Билль 1875 г. о вознаграждении рабочих предложил освобождение для работодателей с менее чем десятью лицами, чему Конгресс тред-юнионов всячески сопротивлялся: «Почему это освобождение следовало поместить в Билле, ваш Комитет не может объяснить, поскольку часто случается, что мелкие работодатели еще меньше заботятся о жизни и благополучии работников, чем большие и значительные фирмы» (Доклад TUC от 1875 г. www.unionhistory.org, p. 3). В 1882 г. была создана Лига защиты свободы и собственности, чтобы в 1883 г., «с огромными затратами денег и труда» составить петицию о поправке к Закону об ответственности работодателей, которая бы ограничила заключение контрактов

* «Все сообщество, фактически было брошено в пасть этому ненасытному монстру, «дешевому производству», навязанному ему Мировым Рынком». См. (Thompson, Morris 1930: 140).

** Закон, хотя и прошел, был значительно ослаблен заявлениями, сделанными от лица ведущих лавочников. См. (Winstanley 1983: 96–99).

(Ibid: 13). Но Лига была успешна, а многие инициативы других работодателей оказались недолговечными. Лига объединилась с Ассоциацией защиты свободного труда для образования Парламентского комитета работодателей, но его главному спикеру графу Уемиссу было 88 лет, и после Закона о торговых спорах 1906 г. мало что было слышно об этом комитете. В целом же работодателей не слишком удовлетворяла поддержка страны и, хотя организации, подобные Торговой Палате и Инженерной Федерации, были созданы в конце XIX в., не было ассоциации работодателей, способной состязаться с Конгрессом тред-юнионов, пока после Первой мировой войны не была создана Федерация британской промышленности (см.: Phelps Brown 1983, глава 7).

Это совершенно расходилось с опытом Франции и Бельгии. Движение *Le Playist* и католическая церковь внушали, что сектор мелких фирм является источником социальной, экономической и политической стабильности в отношении так называемого «социального вопроса». К концу XIX в. мелкобуржуазный сектор стал ключевым элементом в обществе. Его объединение с серединой, в смысле класса и ценностей, придавало мелкой буржуазии устойчивость (Crossick 1994). Но в Великобритании не было такой же глубокой поддержки сектора мелких фирм со стороны национальных движений или общественных институтов.

Бесспорно, временами определенные политические действия свершались в национальном масштабе, но для большинства в конце Викторианской эры мелкая фирма ассоциировалась с ремеслом, которое медленно соединялось с профсоюзным движением. Хотя после 1890 г. было образовано большое количество городских бакалейных ассоциаций, они не регистрировались и не координировались на национальном уровне (Crossick 1997). Скорее лавочная политика была ориентирована на местные торговые ассоциации, т. к. они отвечали на угрозу со стороны универмагов, объединенных закупочных агентств и розничных сетей*.

Однако политическая активность на местном уровне по мере появления современных систем промышленных отношений постепенно стала лишней. Борьба вокруг решения Тафф Вейл и его окончательная отмена поставили коллективизм профсоюзного движения над неписаными правами предпринимателя, а также институционализировали этот конфликт во вновь созданной Парламентской Лейбористской Партии. Кроме того, законодательство, которое отменило решение Палаты Лордов, также определило ограниченное влияние Палаты Лордов и *laissez faire* консенсуса, который она защищала большую часть XX столетия**.

* Эта угроза породила местную политическую идентичность, хотя скорее вокруг вопросов торговли, нежели места и размера. К 1900 г. лавочники в Лестере разделились на ведущих узкоспециализированных лавочников и домашних розничных торговцев широкого профиля, причем первые сосредотачивали свои усилия преимущественно на работе в федеральных ассоциациях производителей. См. (Hogwood 1992: 285–308).

** Классическим и не утратившим привлекательности текстом является работа (Dangerfield 1998).

Только в 1905 г. организованный труд и бизнес, по сути, приобрели форму множественных групп с общими интересами, с увеличением влияния организаций работодателей, стимулирующих изменения в профсоюзах, и наоборот (Middlemas 1979a: 28–49). После Первой мировой войны как профсоюзное движение, так и Федерация британской промышленности также усилились. Бальфуровский комитет обратил особое внимание на роль профсоюзного движения, после того как его компетенция была определена как сосредоточение на «отношениях между теми, кто вовлечен в производство»*.

Государство играло центральную роль в утверждении этой политики консенсуса. Оно признало превосходство организованного труда над дезорганизованными ассоциациями производителей, национального уровня представительства над местным уровнем действия, и всеобщих вопросов над местническими. Скорее чем прогресс, беспрепятственно ведомый технологией, или его господствующими формами организации, «новая форма гармонии в политической системе была установлена с огромным трудом в десятилетие с 1916 по 1926 гг.», и просуществовала до середины 1960-х гг., «когда сильно перевозимый консенсус был серьезно, если не окончательно разрушен» (Middlemas 1979b: 18). Это гарантировало не только то, что упомянутые выше «индивиды, меньшинства и девианты» не смогли участвовать в большинстве этих компромиссов, но также и то, что интересы, представленные в «больших хорошо организованных коллективах», преобладали. К концу Второй мировой войны соглашения о представительстве были четко обозначены: «К марту 1947 г... [Криппс]... испытывал лишь презрение к «нелепым глупцам» в среде Кардрум Уоркерс и Федерации Ассоциаций Мастеров Прядильщиков Хлопка, которые сообща мелочно противились всякой попытке вернуть промышленность на уровень современных требований» (Chick 1998: 195).

Традиционные, неорганизованные и совершенно устаревшие, мелкие фирмы исключались по мере того, как характеристики современного промышленного государства становились все более определенными. Поскольку корпоративизм стал нормой для экономического представительства в XX в. (Schmitter 1974), и профсоюзы гарантировали как внутреннюю, так и внешнюю власть в представлении общественных интересов**, мелкую фирму заменили современные формы представительства.

* См. докладную записку Министерства Торговли, обозначенную как SW, от 4 июля 1924 г., под названием «Предложенное Кабинетом Расследование о Промышленности и Торговле — заметка главы Министерства Торговли» (PRO BT 5522 BAL1: 4).

** Росс Мартин указывает на это в своей книге (Martin 1980). Это подтверждает наблюдение Миддлмаса, касающееся групп с общими интересами и объединений работодателей, которые превратились в управляющие институты, и «стали разделять часть политической власти и атрибутов государства, которое само скорее стремилось допустить представительные органы в свою орбиту, чем столкнуться с общедоступностью и множеством индивидуальных притязаний». См. (Middlemas 1979b: 20).

6. Заключение

Итак, в послевоенной политике существовал консенсус, и что этот консенсус принял форму исключения мелкой фирмы. Обзор литературы по консенсусу и анализ его политических и спорных интерпретации показывает, что этот консенсус был основан не на какой-то определенной политике или корпоративных нормах, но на коллективной памяти неудач капитализма *laissez faire*. Побуждаемые успехом организации военного времени и нежеланием терпеть колебания межвоенного экономического управления, послевоенный период выбрал цели производительности и трипартизма. Обе они исключали мелкую фирму.

Эти современные характеристики британской политики были вызваны к жизни в условиях экономического кризиса межвоенного периода, и консенсус стремился вычеркнуть опыт безработицы и память о нерегулируемом, но непроизводительном предприятии. Послевоенный консенсус обещал, что все получают выгоды от организованного, прогрессивного и современного Нового Иерусалима. Возврат к предвоенному миру, который правительства после Первой мировой войны строили на основе политики *laissez faire* и золотого стандарта, не смог бы избавить страну от ее проблем. Скорее, был выбран разрыв с прошлым, который предлагал не что иное, как исключение агентов свободного рынка — индивидуальных предпринимателей.

Поэтому послевоенный консенсус существовал, но не как ряд политических и совещательных механизмов. Он не был построен ни на фундаменте ясно очерченных политических решений, ни на механизмах и институтах политических совещаний, узаконенных во всеобщем масштабе. Создание послевоенного политического консенсуса было основано на общем отказе от индивидуального предпринимательства и политики, которая бы его поддерживала. Исходя из этой гипотезы, многие характеристики послевоенного консенсуса становятся яснее: преобладание профсоюзного движения как главного представителя общественности, абсолютные различия британского и европейского капитализма (последний щедро обеспечивал сектор мелкой буржуазии), господство деловых кругов Лондона и государственного казначейства в обеспечении финансов британской промышленности.

Но в отношении к современной политической экономии рассмотрение исключения мелких фирм поднимает вопрос о том, что произошло с момента их включения. Болтоновская следственная комиссия, которая опубликовала свой последний отчет в 1972 г., ясно обозначила начало политики мелкой фирмы в Соединенном Королевстве. Ее перечень политических рекомендаций — дерегулирование, финансовая реформа, минимальное государственное вмешательство, реформа рынка труда — читается как список необходимых покупок для современного консенсуса по экономической политике. Реформы Маргарет Тэтчер и приверженность *laissez faire*, которую они представляют, включали идею предпринимателя и мелкой фирмы. Ее политика спасла идентичность мелкой фирмы от коллективистского консенсуса послевоенного периода и утвердила мелкую фирму в качестве привилегированного представителя общества и экономики. После многих лет установления консенсуса по поводу политики, разработанной для поддержки мелких

фирм (Мау, McHugh 2002: 76–85), совещательные механизмы, использованные в Болтоновском отчете — игнорирование системы трипартизма, использование экспертов-консультантов и опора на технократическое знание — отражены в характеристиках современного регулируемого государства.

Во многих отношениях аргументы 1930-х гг. были воспроизведены при Тэтчер, но вывод был другим (Green 1999: 17–42). Для нее минимальное государство было предпочтительнее всеобщего государства, предпринимательство — производительности, а плюрализм — трипартизма. Каждый из этих принципов поддерживал направляемый индивидом предпринимательский и конкурентный капитализм, а не направляемый государством коллективный монополистический капитализм. Как только коллективная экономическая идентичность, сформированная вокруг национальных и связанных с социальным обеспечением соглашений, была заменена индивидуальной идентичностью, роль государства серьезно ослабла. Больше не нужно было распределять богатство между классами или устанавливать торговые или регулятивные барьеры между гражданами национальных государств. Исследуя, как коллективная экономическая идентичность была заменена индивидуальной идентичностью, мы можем обнаружить даже, что глобализация, так часто рассматриваемая как результат внешних сил — конец современности, технологические изменения, международное управление и транснациональный капитал — могла бы быть лучше понята как политическое включение сектора мелких фирм в государство всеобщего благосостояния.

*Перевод с английского
М. В. Синютина,
А. В. Тавровского*

Литература

- Addison P. Consensus Revisited // Twentieth Century British History. 1993. Vol. 4. No. 1.
- Addison P. The Road from 1945 // Hennesey P., Seldon A. (eds.). Ruling Performance: British Governments from Atlee to Thatcher. Oxford: Blackwells, 1987.
- Addison P. The Road to 1945. London: Pimlico, 1994.
- Bachrach R., Baratz M. The Two Faces of Power // American Political Science Review. Vol. 56. 1962.
- Bann S. The Inventions of history: essays on the representation of the past. Manchester: Manchester University Press, 1990.
- Barthel D. Historic Preservation: Collective Memory and historical Identity. New Jersey: Rutgers University Press, 1996.
- Benewick R., Berki R., Parekh B. (eds). Knowledge and belief in politics: the problem of ideology. New York: St. Martin's Press, 1973.
- Berlin M. "Broken all in pieces": artisens and the regulation of workmanship in early modern London // Crossick G. (ed) The Artisan and the European Town 1500–1900. Aldershot: Ashgate, 1997.
- Booth A. New Revisionists and the Keynesian era in British economic policy // Economic History Review. 2001. Vol. LIV. No. 2. Pp. 346–366.
- Brooke S. Labour's War: the Labour Party During the Second World War. Oxford: Oxford University Press, 1992.

- Butler A. The End of Post War Consensus: Reflections on the Scholarly Use of Political Rhetoric // *Political Quarterly*. 1993. Vol. 64. No. 4.
- Chick M. Industrial policy in Britain 1945–50 — economic planning nationalisation and labour governments. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Clark C. The State and Economic Policy // *Public Administration*. 1932. Vol. X. July. Pp. 261–269.
- Crossick G. Metaphors of the middle: the discovery of the petite bourgeoisie 1880–1914 // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1994. Vol. 6. No. 4. Pp. 251–279.
- Crossick G. Shopkeepers and the state in Britain 1870–1914 // Crossick G., Haupt H-G. (eds). *Shopkeepers and Master Artisans in Nineteenth century Europe*. London: Methuen, 1997.
- Crossick G., Haupt H. *The petite bourgeoisie in Europe, 1780–1914: enterprise Family and independence*. London: Routledge, 1995.
- Dahl R. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven: Yale University Press, 1961.
- Dahrendorf R. *Society and Democracy in Germany*. New York: Doubleday, 1967.
- Dangerfield G. *The Strange Death of Liberal England [1935]*. London: Serif, 1998.
- Douglas M. Introduction // Halbwachs M. *The Collective Memory*. New York: Harper Colophon Books, 1950.
- Dutton D. *British Politics since 1945: the Rise and Fall of Consensus*. Oxford: Blackwells, 1991.
- ECB. 1930. 16 апреля PRO file BT 70–28.
- Ferrara M., Rhodes M. Building a sustainable welfare state // *West European Politics*. 2000. Vol. 23. No 2. Apr. Pp. 257–288.
- Freeman M. *Rewriting the self: History, Memory, Narrative*. London: Routledge, 1993.
- George S. *Awkward Partner*. Oxford: Oxford University Press, 1990.
- Green H. Thatcherism in historical perspective // *Transactions of the Royal Historical Society*. 6th series. 1999. Vol. IX. Pp. 17–42.
- Halbwachs M. *The Collective Memory*. New York: Harper Colophon Books, 1950.
- Hall S. The Rise of the Interventionist/Representative state 1882–1920s // Mclennan G., Held D., Hall S. (eds). *State and Society in Contemporary Britain — a critical introduction*. Oxford: Policy Press, 1984.
- Hamilton R. *The Social Misconstruction of Reality: validity and verification in the scholarly community*. New Haven: Yale University Press, 1996.
- Hay C. *Political Analysis a critical introduction*. Palgrave: Basingstoke, 2002.
- Henderson J. “Political Economy is a Mere Skeleton Unless...”: What Can Social Economists Learn from Charles Dickens? // *Review of Social Economy*. 2000. Vol. LVIII. No. 2. June. Pp. 141–151.
- Hodgkin K., Radstone S. *Contested Pasts: the Politics of Memory*, London: Routledge, 2003.
- Hogwood C. A “Brave and Daring Folk”? Shopkeepers and Trade Associational Life in victorian and edwardian England // *Journal of Social History*. 1992. Winter. Pp. 285–308.
- Hughes-Warrington M. *Fifty key thinkers on History*. London: Routledge, 2000.
- Jeffrey K. *The Churchill Coalition 1940–45*. Manchester: Manchester University Press, 1991.

- Joyce P. The Return of History: postmodernism and the politics of academic history in Britain // *Pat and Present*. 1998. Vol. 158. February. Pp. 207–235.
- Kavanagh D. Whatever happened to consensus politics? // *Political Studies*. 1985. Vol. XXXIII. No. 4. Pp. 529–546.
- Kavanagh D. *Thatcherism and British Politics: the end of consensus?* Oxford: Oxford University Press, 1987.
- Kavanagh D. The Postwar Consensus // *Twentieth Century British History*. 1992. Vol. 3. No. 2. Pp. 175–190.
- Kavanagh D., Morris P. *Consensus Politics from Atlee to Tatcher*. Oxford: Blackwells, 1989.
- Kerr P. The Postwar Consensus: A Woozle that Wasn't? // Marsh D., Buller J., Hay C., Johnson J., Kerr P., Mcanullan S., Watson M. *Post War British Politics in Perspective*. Cambridge: Polity, 1999.
- Keynes J-M. The Question of high wages // *Political Quarterly*. 1930. January.
- Kratochwil R. History, Action and Identity. Доклад на ежегодной конференции ЕАЕРЕ. 2004. Ретимно (Греция).
- Lukes S. *Power: a Radical View*. London and New York: Macmillan, 1974.
- March J., Olsen J. The new institutionalism: organizational factors in political life // *American Political Science Review*. 1984. Vol. 78. No. 3. Pp. 734–749.
- Marquand D. The Decline of Postwar Consensus // Gorst A., Lohnmann J., Lucas W. (eds). *Post War Britain 1945–64: Themes and Perspectives*. London: Pinter, 1989.
- Marsh D. Introduction — Explaining change in the Postwar Period // Marsh D., Buller J., Hay C., Johnson J., Kerr P., Mcanullan S., Watson M. *Post War British Politics in Perspective*. Cambridge: Polity, 1999.
- Martin R. *TUC: The Growth of pressure Group 1868–1976*. Oxford: Clarendon Press, 1980.
- May T., McHugh. Small business policy: a political consensus? // *Political Quarterly*. 2002. Vol. 73. January-March. No 1. Pp. 76–85.
- Mcloskey D. Bourgeois Virtue and the history of P and S // *The Journal of Economic History*. 1998. Vol. 58. No. 2. Pp. 297–317.
- Middlemas K. The necessities of war 1914–16 // *Politics and Industrial Society — the experience of the British system since 1911*. London: Andre Deutsch, 1979a.
- Middlemas K. Introduction // *Politics and Industrial Society — the experience of the British system since 1911*. London: Andre Deutsch, 1979b.
- Middlemas K. *Industry, unions and government: twenty-one years of NEDC*. 1983.
- Morgan K. *England, Britain and the Audit of War* // *Transactions of the Royal Historical Society*. 6th series. 1997. Vol. VII. Pp. 131–153.
- Peden G. The road to and from Gairloch — Lloyd George, unemployment, inflation and the Treasury view in 1921 // *Twentieth Century British History*. 1993. Vol. 4. No. 3. Pp. 224–249.
- Pennebaker J., Banasik B. On the Creation and Maintenance of Collective Memories: History as Sociel Psychology // Pennebaker J., Paez D., Rimñ B. *Collective Memory of Political Events: social psychological perspectives*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1997.
- Phelps Brown H. *The Origins of the Trade Union Power*. Oxford: Clarendon, 1983.
- Philips J. The Theory of the small enterprises: Smith, Mill, Marshall and Marx // *Explorations in Economic History*. 1979. Vol. 16.

- Pimlott B. *The Myth of Consensus* // Smith L.M. (ed) *The Making of Britain: Echoes of Greatness*. London: Macmillan, 1988.
- Rhodes M. *Governing work and welfare in a new economy: European and American experiments*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Roberts D. *Victorian Origins of the British Welfare State*. New Haven: Yale, 1960.
- Robins K. *British Culture versus British Industry* // Morley D., Robins K. (eds.) *British Cultural Studies: Geography, Nationality and Identity*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Schmitter P. *Still the Century of Corporatism* // *Review of Politics*. Vol. 36. No 1. Pp 85–131.
- Seldon A. *Consensus: a debate too long?* // *Parliamentary Affairs*. 1994. Vol. 47. No. 4. Pp. 501–514.
- Smith T. *The Politics of the Corporate Economy*. Oxford: Martin Robertson, 1979.
- Thompson E., Morris W. *The Modern Industrial System and its Consequences* // Routh H. (ed.). *England under Victoria*. London: Methuen, 1930.
- Thomson E. *The making of the English working class*. London: Gollancz, 1963.
- Tiratsoo N., Tomlinson J. *Industrial Efficiency and State Intervention — Labour 1939–1951*. London: Routledge, 1993.
- Weiner M. *English culture and the decline of the industrial spirit, 1850–1980*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Wilson K. *Introduction: Governments, Historians and historical engineering* // Wilson K. (ed.). *Forging the Collective Memory — government and International Historians through two World Wars*. Oxford: Berghahn Books, 1996.
- Winstanley M. *The Shopkeepers World 1830–1914*. Manchester: Manchester University Press, 1983.